

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 81-114.2; 81'366.56; 81'367.626.1

Горицкая
Ольга Сергеевна

**ВТОРИЧНЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИЦА
(НА ПРИМЕРЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО
В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ)**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Минск, 2008

Работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный руководитель: **Норман Борис Юстинович**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретического и
славянского языкознания
Белорусского государственного
университета

Официальные оппоненты: **Задворная Елена Геннадиевна**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры речеведения и теории
коммуникации УО «Минский
государственный лингвистический
университет»

Кураш Сергей Борисович,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка
УО «Мозырский государственный
педагогический университет»

Оппонирующая организация: Институт языка и литературы имени
Я. Коласа и Я. Купалы Национальной
академии наук Беларуси

Защита состоится «5» февраля 2009 г. в 14⁰⁰ на заседании совета по защите
диссертаций Д 02.01.24 при Белорусском государственном университете по
адресу: 220050, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; тел. ученого секретаря 222-
36-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белорусского
государственного университета.

Автореферат разослан «29» декабря 2008 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

С.А. Важник

Изучение коммуникации и взаимоотношений людей (в том числе и на языковом материале) актуально не только для наук социогуманитарного цикла, но и для общества в целом. Так, лингвистические исследования, выполненные в коммуникативно-прагматическом направлении, вносят вклад в решение таких важных для настоящего времени проблем, как оптимизация общения и речевого воздействия, разработка коммуникативных технологий и обеспечение эффективности межличностных и межкультурных контактов.

Реферируемая диссертация посвящена прагматическому анализу языковых единиц, обозначающих базовые элементы коммуникации – отправителя и получателя информации (говорящего и слушающего). Основное внимание в работе сосредоточено на роли показателей 1-го и 2-го л. в передаче субъективного отношения говорящего к адресату или ситуации.

Необходимость проведения исследований по этой теме обусловлена недостаточной изученностью коммуникативных функций грамматических элементов. В частности, отсутствуют специальные работы, посвященные комплексному анализу всех вторичных прагматических функций показателей лица в каком-либо языке. Грамматика часто понимается как «механический» языковой уровень, не имеющий отношения к человеку. Однако в действительности значение большинства языковых структур, в том числе и грамматических, связано с жизнью человека, особенностями его мышления и поведения, и эти аспекты грамматики нуждаются в изучении и теоретическом осмыслении. Работы, посвященные анализу прагматического потенциала грамматических единиц, важны и значимы для теории языка, поскольку они позволяют выявить особенности языковой концептуализации действительности, механизмы языковых изменений и роль человеческого фактора в функционировании грамматических элементов.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами и темами

Диссертация выполнена на кафедре теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета в рамках исследований, проводимых по госбюджетной теме НИР на 2006–2010 гг. «Славянские языки в когнитивном аспекте» (регистрационный номер 20062056).

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявить вторичные прагматические функции действительных языковых единиц, обозначающих участников коммуникативного акта (говорящего и слушающего).

С поставленной целью связано решение следующих **задач**:

- 1) упорядочить и обобщить имеющиеся в научной литературе представления о значении и функциях дейктических элементов;
- 2) определить первичные и вторичные прагматические функции показателей персонального дейксиса;
- 3) систематизировать условия, при которых показатели лица получают вторичные прагматические функции;
- 4) исследовать языковые и когнитивные механизмы возникновения вторичных прагматических значений дейктических элементов;
- 5) рассмотреть новейшие изменения в системе личных местоимений в социальном и коммуникативном аспектах;
- 6) выявить прагматические характеристики высказываний с эллиптированными и неэллиптированными местоимениями-подлежащими;
- 7) изучить прагматические аспекты употребления местоимений 2-го л. в роли обращения;
- 8) описать прагматические функции модусных (субъективно-модальных) конструкций с личными и притяжательными местоимениями 1-го и 2-го л.;
- 9) проанализировать различные типы транспозиции личных форм и выявить ее прагматический потенциал.

Объектом исследования являются дейктические единицы русского языка, обозначающие говорящего и слушающего: личные и притяжательные местоимения 1-го и 2-го л. ед. ч., показатели лица глаголов 1-го и 2-го л. ед. ч., а также различные формы местоимений, глаголов и существительных, которые используются в переносном значении для указания на участников коммуникативного акта. Факты русского языка рассматриваются в типологической перспективе. **Предмет** исследования составляют вторичные прагматические функции показателей лица.

Выбор объекта исследования (способов обозначения говорящего и слушающего) обусловлен функциональной значимостью и универсальностью этих языковых единиц: без адресанта и адресата невозможно общение, и, следовательно, в любом языке существуют средства указания на эти коммуникативные роли. Способы обозначения лиц, не участвующих в коммуникации, и, соответственно, формы 3-го л. не являются универсальными. Кроме того, они значительно отличаются в функциональном и языковом отношении от способов обозначения говорящего и слушающего. Например, местоимения 1-го и 2-го л., как правило, выполняют дейктическую функцию, а местоимения 3-го л. – анафорическую; формы 1-го и 2-го л. обозначают лиц, а формы 3-го л. – как лиц, так и предметы и т.д.

Исследование выполнено на **материале** диалогической речи (рассматривались тексты, обслуживающие неформальную коммуникацию в

различных сферах). Такой материал дает возможность анализировать живые и прагматически нагруженные, а не ритуализованные в отдельных дискурсах и поэтому стертые в прагматическом отношении употребления личных форм (типа авторского *мы*). Чтобы выводы были максимально репрезентативными, мы исследовали все доступные нам формы воплощения диалогической речи: диалогическую речь, отраженную в художественной литературе и кино, записи устной речи, электронную коммуникацию. В тексте диссертации в основном приводятся примеры из художественной литературы и устной речи, контексты из электронной коммуникации содержатся в приложениях. Языковой материал (фрагменты диалогов, в которых показатели лица имеют вторичные прагматические функции) собирался в течение 2005–2008 гг.; количество примеров в картотеке – около 2 000. **Источники материала:**

а) Национальный корпус русского языка (исследовались следующие подкорпусы: художественные тексты, нехудожественные тексты, устная непубличная речь, речь кино) – ruscorpora.ru;

б) собранная автором вручную картотека примеров из прозаических и драматических произведений русской литературы XIX–XX вв.;

в) опубликованные в Интернете тексты различных типов и жанров – электронная коммуникация (чаты, форумы, блоги), записи устной речи, художественная литература, сценарии кинофильмов. Контексты были найдены при помощи поисковых систем Яндекс (yandex.ru) и Google (google.com); также использовались сайты, представляющие собой собрания присланных пользователями фрагментов из устной и электронной коммуникации (overheard.ru/list, bash.org.ru).

Положения, выносимые на защиту

1. Прагматические функции показателей персонального дейксиса делятся на первичные (указание на участников коммуникативного акта) и вторичные (выражение социальной дистанции, эмоционального состояния говорящего, его субъективного отношения к адресату или ситуации).

Вторичные прагматические функции показателей лица могут закрепляться в системе языка. Местоименные показатели вежливости обособляются от омонимичных форм грамматически, графически или другими способами. Кроме того, наблюдается фразеологизация экспрессивных конструкций, в состав которых входят показатели персонального дейксиса.

2. Прагматическая нагрузка у местоимения появляется при отступлении от стандарта употребления форм. Так, в современном русском сленге (в основном в электронной коммуникации) получили распространение экспрессивные местоимения типа *мну*, которые могут заменять не только формы косвенных падежей, но и формы именительного падежа личных местоимений. Данные

инновации выполняют следующие прагматические функции: понижают коммуникативный ранг субъекта, увеличивают экспрессивность высказывания, маркируют принадлежность к субкультуре.

3. Для прагматики высказывания имеет значение наличие или отсутствие местоимения-подлежащего. В тех высказываниях, где нормой является эллипсис местоимения-подлежащего, его наличие указывает на выражение им вторичных прагматических функций. В обследованном языковом материале к таким синтаксическим структурам относятся высказывания с глаголом в форме императива. Местоименное подлежащее в таких высказываниях выделяет глагол, находящийся в фокусе контраста, и выражает различные прагматические функции (заинтересованность говорящего в каузируемом действии, эмоциональную реакцию субъекта, смягчение побуждения или выражение настойчивости).

4. Употребление дейктических элементов в нехарактерной для них роли обращения свидетельствует об актуализации у них вторичных прагматических функций. Фамильярный оттенок, возникающий при использовании личного местоимения в аппеллятивной функции, связан с тем, что местоимение, являющееся непосредственным указанием на адресата, заменяет принятые в обществе обращения, и поэтому такие употребления воспринимаются как игнорирование этикетных правил и нарушение границ личной сферы.

5. Вторичные прагматические функции показателей лица реализуются при употреблении местоимений 1-го л. и 2-го л. в составе синтаксически независимых конструкций с модусным значением (в обследованном языковом материале это конструкции «дательный этический» и «у + Gen.»). При использовании модусных конструкций с личными местоимениями, а также притяжательных местоимений в составе оценочных структур в высказывание вводится дополнительный субъектный план, обозначающий говорящего или слушающего. Прагматические функции личных и притяжательных местоимений, употребленных в составе модусных конструкций, базируются на включении или исключении предмета речи из личной сферы субъекта.

6. Актуализация вторичных прагматических функций у местоименных и глагольных показателей лица происходит при использовании одной личной формы в функции другой. В основе транспозиции личных форм лежит трансформация ролевой структуры речевого акта: а) перемена ролей (замена форм 2-го л. формами 1-го л.); б) добавление воображаемых участников коммуникации (замена форм 1-го л. ед. ч. формами 1-го л. мн. ч. и форм 2-го л. ед. ч. формами 2-го л. мн. ч., описание ситуации с позиции воображаемого третьего лица при замене форм 1-го и 2-го л. формами 3-го л.); в) исключение реальных участников из коммуникативного акта (обозначение говорящего и

слушающего при помощи форм 3-го л.).

Один тип транспозиции личных форм может выполнять различные прагматические функции (например, использоваться для выражения положительной и отрицательной оценки, уважения или пренебрежения). Реализация этих функций зависит от намерений говорящего и социального контекста коммуникативного акта.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. В единой системе рассмотрены все случаи актуализации вторичных прагматических функций у показателей лица.

2. В коммуникативном и типологическом аспекте проанализированы местоименные инновации последних лет.

3. Дана прагматическая оценка эллипсиса местоименного подлежащего, рассмотрены разноуровневые коммуникативные функции местоимений-подлежащих в высказываниях с глаголом в форме императива.

4. Предложено новое описание коммуникативных предпосылок, детерминирующих прагматические функции местоименных обращений.

5. Выявлены и системно проанализированы синтаксические, семантические и прагматические характеристики модусных конструкций с личными и притяжательными местоимениями.

6. Построена коммуникативная модель транспозиции личных форм, объясняющая диапазон прагматических функций различных типов транспозиции.

Личный вклад соискателя

Основные теоретические и практические результаты исследования получены автором в результате самостоятельного анализа эмпирических данных.

Апробация результатов диссертации

Результаты диссертационного исследования были представлены на следующих научных конференциях: «Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы)» (Минск, 6–7 апреля 2006 г.), «Ломоносов-2006» (Москва, 12–15 апреля 2006 г.), «Славянские языки и теория языка» (Минск, 29 сентября 2006 г.), «Язык и социум» (Минск, 1–2 декабря 2006 г.), XXXVI Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 12–17 марта 2007 г.), «Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках)» (Брест, 19–20 апреля 2007 г.), «Язык и межкультурные коммуникации» (Минск, Вильнюс, 25–28 апреля 2007 г.), VIII Международные чтения, посвященные Степану Некрашевичу (Гомель, 18 мая 2007), «Язык и культура» (Киев, 25–29 июня 2007 г.), «Ars grammatica. Грамматические исследования» (Минск, 5–6 декабря 2007 г.), «Русский язык в условиях интеграции культур» (Воронеж, 26–27

февраля 2008 г.), «Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы» (Минск, 20–21 марта 2008 г.), «Идеи. Поиски. Решения» (Минск, 28 марта 2008 г.), «Ломоносов-2008» (Москва, 7–11 апреля 2008 г.), Международная конференция молодых филологов (Тарту, 25–27 апреля 2008 г.), «Человек в пространстве языка» (Каунас, 16–17 мая 2008 г.), «Активные процессы в современной грамматике» (Москва, 19–20 июня 2008 г.), «Язык и дискурс в статике и динамике» (Минск, 14–15 ноября 2008 г.).

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ (10.10.2008), а также на заседании научного семинара по теории языка и славянским языкам БГУ (28.11.2008).

Опубликованность результатов диссертации

Основные результаты проведенного исследования отражены в 19 публикациях автора: 4 статьях в научных журналах (2 авторских листа), 4 статьях в сборниках (1,2 авторских листа), 11 материалах и тезисах конференций (2,2 авторских листа). Одна статья написана в соавторстве с О.А. Ковш. Общий объем опубликованных материалов составляет 95 страниц (5,4 авторских листа).

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, 5 глав, заключения, библиографического списка и 4 приложений. Объем исследования – 188 страниц (из них библиографический список занимает 38 с., а приложения – 31 с.). Количество использованных источников – 466.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, описываются основные направления в изучении показателей лица: грамматическое (А.В. Бондарко, Е.М. Вольф, Т. Rittel, St. Jodłowski и др.), типологическое (К.Е. Майтинская, Р. Forchheimer, М. Cysouw и др.), лингвокультурологическое (В.Б. Касевич, А. Wierzbicka и др.), социолингвистическое (Р. Бенакьо, В.И. Карасик, R. Brown и А. Gilman, P. Friedrich и др.), когнитивное (F. Brisard, R. Langacker и др.), психолингвистическое (Г.Р. Доброва, R. Трасу и др.). Определяется специфика прагматики как области лингвистических исследований и указывается на перспективность исследования показателей персонального дейксиса в прагматическом аспекте.

В первой главе диссертации «Первичные и вторичные функции показателей лица» закладывается теоретическая база исследования.

Раздел 1.1 посвящен роли дейксиса в коммуникации. В диссертации используется классическое понимание дейксиса: это функция языковых единиц, которая заключается в соотношении содержания высказывания с

координатами коммуникативного акта (местом, временем и участниками); соответственно выделяется пространственный, временной и персональный дейксис. В работе вводится оппозиция первичных и вторичных функций средств дейксиса. Первичная прагматическая функция дейктических элементов заключается в указании на координаты коммуникативного акта. Вторичные прагматические функции дейктических единиц – это выражение эмоций, оценок и социальных отношений.

В диссертации принимается следующая точка зрения: коммуникативная ситуация, к которой отсылают дейктические элементы, не задается извне, а конструируется в процессе общения (Н. Hausendorf). Указывается на то, что эгоцентрическая ориентация, основанная на представлении ситуации с позиции говорящего, не является единственно возможной: в диалогическом общении говорящий может принимать сторону другого лица. Перемещение дейктического центра с говорящего на другое лицо обозначается при помощи психологического термина «эмпатия» (S. Kuno и др.).

В *разделе 1.2* описывается семантика, первичные и вторичные функции средств персонального дейксиса. Представлен обзор различных точек зрения на значения личных местоимений (Р.О. Якобсон, О.Н. Селиверстова, В.В. Химик и др.). Отмечаются исследования, в которых описываются отдельные аспекты употребления средств персонального дейксиса во вторичных прагматических функциях (Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, Б.Ю. Норман, В.В. Химик и др.). В разделе систематизируются условия актуализации вторичных прагматических функций у личных местоимений и личных форм глагола. Развитие у дейктических знаков различных эмоциональных, оценочных и социальных функций описывается с позиций когнитивной лингвистики (влияние фактора субъективизации – R.W. Langacker и др.). Термин «субъективизация» используется в когнитивистике для обозначения типа семантического развития, при котором единица приобретает субъективные компоненты значения.

Во **второй главе «Изменения в системе личных местоимений»** в коммуникативном аспекте анализируются новые явления в функционировании местоименных показателей лица.

В *разделе 2.1* рассматриваются основные факторы, обуславливающие изменения в прономинальных системах.

В *разделе 2.2* описываются изменения в статусе и нормах употребления местоименных форм вежливости. Принимается точка зрения, согласно которой русское местоимение *Вы*, указывающее на социальную дистанцию, является не использованием формы 2-го л. мн. ч. в переносном значении, а самостоятельным местоимением 2-го л. ед. ч. (В. Comrie, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев). О самостоятельном статусе местоимения, указывающего на

социальную дистанцию, как правило, свидетельствуют изменения на грамматическом уровне. В обследованном языковом материале *Вы* вежливости отличается от *вы* мн. ч. синтаксически (обязательный признак) и графически (факультативный признак). Эта местоименная форма может писаться с прописной буквы и требует мн. ч. глаголов и кратких прилагательных, но ед. ч. существительных и полных прилагательных, а также мн. ч. числа местоимения *сам* в именительном падеже, но ед. ч. местоимения *сам* в косвенных падежах. Рассматривается генезис *Вы*-формы, социальные и когнитивные предпосылки закрепления *Вы* в грамматике исследуемого языка. Исследуется наблюдаемая в настоящее время вариативность в употреблении местоименных показателей вежливости. Проанализированы эпизодические и, как правило, коммуникативно значимые переходы с *ты* на *Вы* и наоборот (по данным метаязыковых комментариев), а также специфическое использование местоимений 2-го л. в электронном и деловом общении.

Раздел 2.3 посвящен анализу местоименных инноваций в русском сленге (местоимения *йа, мну, мя, меню, моя, мое*, которые употребляются вместо *я* и его падежных форм, и местоимения *тбу, тя, тебя*, которые замещают *ты* и его падежные формы): *Мну просто пишет «мну», потому что мну это нравится!* (ta-kyh.livejournal.com/210036.html). Отмечается, что местоименные инновации типа *мну* выполняют в речи ряд прагматических функций. Они являются маркером субкультуры, привносят в речь элемент непривычности, а также позволяют конструировать конструкции с нетривиальными семантическими и коммуникативными свойствами (употребление форм типа *мну* в роли подлежащего является специфическим способом понижения ранга субъекта). При употреблении местоимения 1-го л. в роли подлежащего при сказуемом в форме 3-го л. наблюдается введение дополнительного дейктического ориентира. В разделе выявлены лингвистические предпосылки возникновения подобных местоименных инноваций (супплетивизм) и типологические связи анализируемых единиц (распространение подобных форм в других языках и языковых образованиях – пиджинах).

В третьей главе «Употребление личных местоимений в функции подлежащего и обращения» основное внимание сосредоточено на коммуникативных аспектах эллипсиса местоименного подлежащего (**раздел 3.1**) и прагматических функциях местоименных обращений (**раздел 3.2**).

Феномен дублирования значения 1-го и 2-го л. в местоимении и глаголе рассматривается в типологической перспективе. Анализируются факторы (синтаксические, коммуникативные и др.), детерминирующие наличие или отсутствие местоимения-подлежащего в русском языке, который отличается большой вариативностью в употреблении местоимений в роли подлежащего.

Данный раздел представляет собой развитие идей И. Фужерон, Ж. Брейяра, Т.М. Николаевой, Л. Гренобль. В диссертации отмечаются случаи появления семантических и функциональных различий у синтаксических структур с эллиптированным и неэллиптированным первым актантом. Например, местоимения часто отсутствуют во вводных конструкциях с глаголами в форме 2-го л. типа *видишь (ли), понимаешь (ли)*, а наличие местоимения, как правило, означает «буквальное», а не «дискурсивное» употребление языковой единицы. Ср.: *Понимаешь, я с тобой решил посоветоваться потому что ты опытная* (А. Геласимов. Чужая бабушка) и *Ты понимаешь, о чём я хочу с тобой поговорить?* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света). Впервые описана частица *лично*, которая используется для того, чтобы активизировать и подчеркнуть функцию местоимения-подлежащего, заключающуюся в выделении субъектного плана участника коммуникации.

Рассмотрены функции местоименного подлежащего в высказываниях, где нормой является его эллипсис (в исследуемом языке к таким синтаксическим структурам относятся предложения с глаголом в форме императива). Пример: *Я говорю: «Подожди, а чья это девочка? Соседи что ли оставили? Только я не помню такой девочки ни у кого». А Татьяна говорит: «Ты раздевайся. Я картошки сварила. Сейчас будем есть». Я говорю: «Нет, ты постой. Чья это девочка? Я же тебя русским языком спросила»* (А. Геласимов. Чужая бабушка). Развивается мысль Т.Е. Янко о том, что употребление местоимения в таких высказываниях маркирует фокус контраста на глаголе. Кроме того, анализируются различные прагматические функции, которые выражает местоименное подлежащее в высказываниях с глаголом в форме повелительного наклонения (выражение заинтересованности или настойчивости, смягчение приказания и т.п.). Показана близость местоимений, употребленных в таких синтаксических структурах, и частиц: безударность, акцентирующая функция, тенденция образовывать комплексы с другими «единицами коммуникативного уровня языка» (М.Г. Безяева), широкий круг прагматических значений. Отличительной чертой диссертации является целостное описание коммуникативных функций местоименного подлежащего в высказываниях с глаголом в форме повелительного наклонения. Это описание включает указание на прагматические функции местоимения и его роль в коммуникативной структуре высказывания.

В следующем параграфе анализируется употребление местоимения 2-го л. в роли обращения. Отмечается, что использование дейктических элементов в апеллятивной функции связано с реализацией определенных коммуникативных задач (выражение фамильярности и эмоций говорящего): *Эй, ты, на улице кто есть?* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *Слушай, ты! Нельзя ли*

поосторожней? (З. Плавинская. Отражение // Лебедь (Бостон), 2003.08.04). Предложено следующее объяснение коммуникативной и семиотической природы прагматических функций местоименных обращений. Выражение фамильярности при помощи дейктических единиц типа *эй, ты* связано с тем, что указательный жест воспринимается как своего рода дистантное прикосновение, а дотрагиваться до человека – значит, нарушать границы его личной зоны. Общение с незнакомыми людьми (а апеллятивная форма *эй, ты* обычно употребляется в таком случае), как правило, регулируются стратегиями так называемой «негативной» вежливости (P. Brown и S. Levinson), в основе которых лежит демонстрация дистанции. Кроме того, употребление обращений типа *эй, ты/вы* свидетельствует о том, что говорящий не желает использовать принятые в данной коммуникативной культуре обращения.

Четвертая глава «Функционирование личных и притяжательных местоимений в конструкциях с модусным значением» начинается с теоретического *раздела 4.1*, в котором освещается проблема иерархии лиц. Отмечается, что нумерация лиц, принятая в грамматической традиции, является не просто проявлением эгоцентризма, но и в определенной степени отражает грамматическую и семантическую иерархию лиц – приоритет 1-го и 2-го л. над 3-м л., а также приоритет 1-го л. над 2-м (A. Zwicky и др.).

В разделе 4.2 описываются синтаксические, семантические и прагматические характеристики модусных синтаксем – синтаксически независимых падежных и предложно-падежных форм, выражающих субъективное отношение говорящего к адресату или ситуации. Терминологическая номинация «модусная синтаксема» сконструирована нами самостоятельно. Рассматриваются функции модусных синтаксем «*у + Gen.*» и «*дательный этический*». Анализ примеров показал, что модусные конструкции являются средством введения в высказывание дополнительного субъектного плана, обозначающего говорящего или слушающего.

В работе впервые выделены основные семантические типы конструкции «*у + Gen.*» (обозначение посессора, авторизатора и каузатора).

Высказывания, в которых модусная синтаксема «*у + Gen.*» обозначает субъекта-посессора, называются конструкциями с внешним посессором и возникают в результате операции расщепления валентности, повышающей синтаксический статус единицы, обозначающей посессора (Ю.Д. Апресян, А.Е. Кибрик, D. Рауне и др.). Коммуникативной функцией этой операции является маркирование релевантности содержания высказывания для говорящего: *А у меня один очень близкий друг уезжает на юг / причем на машине с друзьями / а друзья все плохо водят машину / и я за него боюсь* (Рассказ о друге (2005.07)).

В исследовании выделяется два типа авторизующей конструкции «*у +*

Gen.» – медиальный (как правило, в ее составе употребляется местоимение 1-го л.) и инициальный (как правило, употребляется местоимение 2-го л.). Прагматическая функция медиальной предложно-падежной формы *у меня/нас* – интимизация оценки, заложенной в предикате: *Ты у меня умница*. Посессивные элементы в семантике конструкции *у меня/нас* обусловлены тем, что данная синтаксема указывает на вхождение объекта оценки в личную сферу говорящего, ср. *Ты моя умница*. Важной характеристикой медиальной конструкции «у + местоимение 1-го л.» является помещение субъекта, обозначенного подлежащим, в фокус высказывания: в предложении *Ты у меня умница* речь идет не только об адресате, но и о самом говорящем. Высказывания с инициальной синтаксемой «у + Gen.» имеют значение: ‘Ты считаешь, что Р, но это неверно’, так что при использовании конструкции *у тебя* в высказывание вводится не только второй субъектный план авторизатора (адресата), но и третий – адресанта, считающего, что представления адресата не соответствуют действительности: *У тебя все дураки*.

Прототипическая ситуация, в которой употребляется каузативная конструкция *у меня*, включает три составляющие: а) ‘мне не нравится то, что ты делаешь или намерен сделать; я хочу, чтобы ты этого не делал’; б) ‘твое действие может привести к последствиям, которые, скорее всего, будут неблагоприятными для тебя; я приму в этом участие’; в) ‘я сделаю так, чтобы ты прекратил делать то, что мне не нравится, или совершил действие, которое я считаю необходимым’. Предложно-падежное сочетание *у меня* актуализирует один из компонентов ситуации и указывает на аспект участия говорящего в описываемых событиях. В исследовании уточнено принятое в словарях и работах по грамматике описание прагматических функций каузативной модусной синтаксемы «у + Gen.» Показано, что каузативная конструкция *у меня* не всегда выражает интенцию угрозы или предупреждения: – *Будет*, – *спокойно сказала мать*. – *Мы купим все автомобили в магазине, но ты у меня вырастешь человеком* (Д. Рубина. Терновник).

В следующем параграфе рассматриваются прагматические функции модусной синтаксемы «дательный этический». Пример: *Он подмигнул сторожу*. – *Ты чего мигаешь?* – *озлился сторож*. – *Ты мне не смей мигать*. *Я тебе так помигаю...* (Н.А. Тэффи. Игра). Парадоксальная форма 1-го л. у глагола при обозначении действия, относящегося к адресату, объясняется спецификой каузативной ситуации, которая кодируется высказыванием с синтаксемой *тебе*. У адресанта есть причины для того, чтобы «присвоить» действие слушающего: оно вызывает у говорящего негативную реакцию, поэтому адресант делает так, чтобы адресат прекратил выполнять это действие (или не совершил его в будущем). Показаны функциональные отличия форм 1-

го и 2-го л.: форма 1-го л. глагола и дательный этический местоимения 2-го л. выделяют роль говорящего в каузативной ситуации, а *мне* в сочетании со 2-м л. глагола акцентирует воздействие поведения адресата на адресанта.

Заключительный параграф посвящен конкуренции каузативных модусных синтаксем. Установлено, что роль *мне* и *у меня* в конструировании семантики высказывания различна. Дательный этический обозначает, как ситуация воздействует на говорящего (Говорящий ← Ситуация). А конструкция *у меня* показывает не только то, как ситуация влияет на субъекта, но и то, как он сам может на эту ситуацию повлиять (Говорящий ↔ Ситуация).

Основное внимание в **разделе 4.3** уделяется оценочным функциям притяжательных местоимений. Рассматривается асимметрия прагматических функций форм 1-го и 2-го л, связанная с различной оценкой категорий «свое» и «чужое». При анализе прагматических функций местоимений 1-го л. основное внимание уделяется тем фактам, которые не получили адекватной интерпретации в лингвистических исследованиях. Так, впервые анализируется сочетаемость притяжательного местоимения 1-го л. с различными типами обращений. В диссертации показано, что местоимение *мой* в значении 'такой, который относится к говорящему по родственным, дружеским, служебным, ассоциативным связям' закреплено за дескриптивными употреблениями; в составе обращения притяжательное местоимение 1-го лица имеет другое значение: оно указывает на то, что адресат входит в личную сферу говорящего. Поэтому апеллятивные конструкции, состоящие из реляционного имени и местоимения, стремятся развить переносные значения и отграничиться от омонимичных им дескриптивных выражений (ср., например, употребление выражения *отец мой* в роли обращения и дескрипции), а различные лексемы, выражающие субъективную оценку, с легкостью присоединяют к себе притяжательные местоимения (*моя дорогая* и т.п.).

Далее анализируются оценочные компоненты в семантике притяжательных местоимений 2-го лица, которые возникают, как правило, при его употреблении в высказываниях, отсылающих к предыдущим репликам собеседника или к представлениям партнера о предмете речи: – *Погоди! Ну Тома! Ну мы же с тобой договорились! Полная независимость, никаких обязательств, ну ты вспомни, ты же сама говорила! Ты сама говорила: я современная женщина, я... – Вот поэтому и говорила! Просто хотела тебе нравиться! <...> Эта **твоя современность!** Ну зачем она мне?! Эта **твоя независимость!** Ну зачем она мне?! (А. Митта и др. «Экипаж»: сценарий кинофильма).*

В **пятой главе «Транспозиция личных форм»** рассматривается употребление одних показателей лица в значении других. Показано, что в исследуемом языке транспозиция личных форм представлена разнообразными

типами: при обозначении говорящего и слушающего могут употребляться формы всех лиц. В основе транспозиции показателей лица лежит трансформация ролевой структуры коммуникативного акта.

В *разделе 5.1* определяется сущность транспозиции как языкового феномена и место транспозиции личных форм среди других типов транспозиции. Отмечается, что чем менее четким и определенным является значение личной формы, тем легче ей развить переносные значения, поэтому наибольшее количество переносных значений и прагматических функций наблюдается у форм 3-го л. ед. и мн. ч. и 1-го л. мн. ч., а формы 1-го л. ед. ч. могут использоваться в функции, отличной от обозначения адресанта, только в исключительных случаях, не являющихся примером транспозиции.

В *разделе 5.2* рассматривается специфика личных форм мн. ч. и анализируется эмпирический материал – случаи замены форм ед.ч. формами мн.ч., например: *Она удивилась и говорит: – Яблоко? Так значит, это буква “я”? Я уже хотел сказать: «Ну конечно, “я”!» А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка! Знаем мы вас. Если я скажу “я” – значит – опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадемся»* (Л. Пантелеев. Буква «ты»). Установлено, что транспозиция этого типа базируется на семантическом сдвиге от определенности к неопределенности. Функционирование личных форм мн. ч. указывает на добавление в коммуникативную ситуацию воображаемых участников, точка зрения которых совпадает или не совпадает с точкой зрения говорящего. Формы 1-го л. мн. ч. создают «тыл», необходимый адресанту для укрепления своей позиции, а формы 2-го л. мн. ч. употребляются с целью генерализации некоторых качеств адресата. При этом экспрессивное *мы*, замещающее *я*, всегда является эксклюзивным, т.е. не включает адресата, а говорящий не обладает тем качеством собеседника, вокруг которого формируется группа *вы*. Итак, асимметричные коммуникативные функции форм 1-го и 2-го л. мн. ч., замещающих формы ед. ч., формируются вокруг оппозиции «свое/чужое».

Раздел 5.3 посвящен актуализации различных прагматических функций у форм 1-го л. мн. ч., обозначающих адресата:

– *Привет! – воскликнул Сеня. – А я к тебе... 3-з-здорово!*

Антипов молча подал руку и подозрительно посмотрел на Сеню.

– *Кэ-к-как делишки? Жнем помаленьку? – затараторил Сеня* (В. Шукшин. Коленчатые валы);

– *Подвихнули ноженьку, миленькие мои! За красотками так быстро бегали, что ноженьки не успели! Мы ведь любим за красотками побегать, на красоток поглядеть, мы такие! Донжуаны мы нереализованные!* (А. Слаповский. Я – не я).

В работе предлагается следующее объяснение полярных прагматических функций псевдоинклюзивного *мы*. С одной стороны, употребление формы 1-го л. мн. ч. с целью установления контакта вызвано желанием говорящего подчеркнуть свою солидарность с адресатом и «встать на его место» (эмпатия), а это является одним из базовых принципов этикета и оценивается положительно. С другой стороны, использование формы 1-го л. мн. ч. вместо формы 2-го л. ед. ч. рассматривается как вторжение в личную сферу адресата, предполагающее превосходство говорящего над слушающим; кроме того, в таких случаях зачастую имитируется речь, адресованная детям, – собеседник представляется как пассивный участник коммуникации.

В *разделе 5.4* описываются различные типы замены форм 1-го и 2-го л. ед. ч. формами 3-го л. ед. и мн. ч., рассматриваются синтаксические, коммуникативные и когнитивные аспекты данного языкового феномена. Этот тип транспозиции личных форм основан на представлении говорящего и слушающего как лиц, не участвующих в коммуникации. В таких контекстах наблюдается смещение фокуса эмпатии, который иногда связан с введением в коммуникативную ситуацию виртуальных участников и отражением их точки зрения. Пример: – *Вот что, – помолчав, холодно сказала Светлана, – убирайся отсюда, пока цел! Иди к своей тигалице и выбрось меня из головы! «Люблю!» Вы только посмотрите на него – Ромео нашелся! Может, ты и Ромео, но я не Джульетта!* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк»). В некоторых случаях, например, при функционировании конструкций типа *вот он я* наблюдается совмещение дейктических проекций ситуации в высказывании: ситуация одновременно описывается с двух точек зрения.

В работе рассмотрены различные лексические субституты личных местоимений 1-го и 2-го л. (собственные, функциональные, реляционные, оценочные, окказиональные имена). Пример: «*Что же вы хотите от губернатора?*» – спросил его от себя в третьем лице чистивший в это время ногти губернатор (Г. Данилевский. Воля). Установлено, что замена форм 1-го и 2-го л. номинативными единицами имеет в своей основе перемещение акцента с ролевой структуры коммуникативного акта на место субъекта в мире. Функционирование форм 3-го л. при обозначении говорящего производит объективирующий эффект, основанный на деперсонализации (элиминации из высказывания наиболее субъективных языковых единиц – форм 1-го л.). Деперсонализация, как правило, наблюдается в речевых актах, затрагивающих личную сферу говорящего или слушающего: упреках, комплиментах, извинениях, просьбах, советах и т.п. При помощи форм 3-го л. ситуация представляется отстраненно, и таким образом говорящий частично снимает с себя ответственность за произнесенные слова.

В *разделе 5.5* определяются границы класса языковых явлений, относящихся к транспозиции личных форм. Отмечается, что употребление личного местоимения в нестандартной для него функции (при указании на другое лицо) не обязательно свидетельствуют о наличии у этого местоимения переносного значения. К транспозиции личных форм не относится употребление показателей лица при цитации и в процессе автокоммуникации, использование личных форм в высказываниях с обобщенной и неопределенной референцией и в предложениях с глаголом в так называемой форме квазиимператива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Коммуникативные функции показателей персонального дейксиса не ограничиваются их первичной ролью – указанием на участников речевого акта. Личные и притяжательные местоимения, а также личные окончания глаголов могут приобретать вторичные прагматические функции различных типов. Во-первых, во многих языках мира, в том числе и в русском, существуют показатели лица, которые используются для указания на социальную дистанцию, – местоименные показатели вежливости. Во-вторых, употребление личных местоимений может отражать эмоциональное состояние говорящего, его отношение к адресату или ситуации, взаимоотношения между коммуникантами. Введенное в диссертации противопоставление первичных и вторичных функций личных форм позволяет более полно и адекватно представить функционирование класса личных местоимений.

В отличие от большинства предшествующих публикаций, в данной работе подчеркивается тот факт, что вторичные функции личных форм являются не маргинальным фрагментом категории лица, не исключением из правил, а естественной реализацией потенций, заложенных в семантике показателей лица. Установлено, что возникновение добавочных прагматических функций у показателей персонального дейксиса происходит в результате расширения первичного указательного значения под влиянием фактора субъективизации. Субъективизация значений языковых единиц является одним из векторов семантического развития: у лексем и грамматических форм появляются новые функции – знаки отражают отношение говорящего к действительности.

Вторичные прагматические функции показателей лица могут закрепляться в системе языка. Показатели персонального дейксиса, которые регулярно используются для выражения социальной дистанции (местоименные формы вежливости), обособляются от омонимичных им личных форм грамматически, графически и другими способами (в русском языке *Вы* отличается особенностями координации с подлежащим и специфическим согласованием

местоимения *сам*). Кроме того, наблюдается фразеологизация экспрессивных конструкций, в состав которых входят показатели лица [1–19].

2. В работе исследуется динамический аспект прагматических функций показателей лица. Во-первых, проанализированы эпизодические переходы с *Вы* на *ты* и наоборот в общении двух лиц. В ходе исследования метаязыковых комментариев установлено, что во многих коммуникативных ситуациях такие колебания имеют вторичные прагматические функции, однако в ряде случаев переход с *Вы* на *ты* и наоборот осуществляется неосознанно и не является функционально нагруженным.

Во-вторых, рассмотрен коммуникативный аспект изменений в нормах употребления местоименных форм вежливости на современном этапе. В русской коммуникативной культуре расшатывание норм употребления местоименных форм вежливости наиболее ярко проявляется в относительно новых коммуникативных сферах, например, в электронной коммуникации, где использование *ты*-форм в общении незнакомых или малознакомых людей является распространенным фактом. Функциональные преимущества *ты*-формы, связанные с сокращением дистанции между коммуникантами, являются предпосылкой ее распространения в различных сферах коммуникации, в частности в деловом общении. В современной письменной коммуникации функционирует и форма *Ты*, которая выражает субъективное отношение говорящего к адресату (уважение и т.п.), но при этом не указывает на социальную дистанцию.

В-третьих, в диссертации исследуются изменения в употреблении показателей персонального дейксиса в отдельных функциональных вариантах языка. Впервые проанализированы новые местоименные формы типа *мну* ‘я’, которые используются в сленге (в основном в неформальной электронной коммуникации подростков), и выявлены их коммуникативно-прагматические характеристики: увеличение экспрессивности высказывания за счет отступления от стандарта, маркирование субкультурной общности, понижение коммуникативного ранга субъекта. Синтаксические особенности данных форм рассмотрены в типологической перспективе: использование форм косвенных падежей местоимений в роли подлежащего, характерное для различных языков и языковых образований (пиджинов), связано с тенденцией к унификации парадигм и исключению из языка супплетивных форм [9; 18].

3. В диссертационном исследовании показано, что для прагматики высказывания может иметь значение наличие или отсутствие местоимения-подлежащего. На примере обследованных языковых фактов показано, что выбор высказывания с эллиптированным или неэллиптированным подлежащим является сложным многофакторным процессом, обусловленным актуальным

членением, синтаксической структурой и субъектной перспективой высказывания, интонацией и порядком слов, коммуникативным намерением говорящего и социальным контекстом речевого акта.

В тех высказываниях, где нормой является эллипсис местоимения-подлежащего, его наличие свидетельствует о выражении добавочных прагматических функций. Так, на примере русских высказываний с глаголом в форме повелительного наклонения показано взаимодействие различных коммуникативных функций местоименного подлежащего: а) интонационное выделение глагола, находящегося в фокусе контраста и б) выражение различных прагматических значений: заинтересованности в каузируемом действии, эмоциональной реакции и т.д. [3; 19].

4. Для дейктических элементов нехарактерно употребление в функции обращения. В работе показано, что если местоимение является обращением, то оно имеет вторичные прагматические функции. Местоимения 2-го л. в функции обращения могут выражать отношение говорящего к адресату, в частности фамильярность. Фамильярный оттенок, возникающий при использовании личного местоимения в апеллятивной функции, связан с тем, что местоимение, являющееся непосредственным указанием на адресата, заменяет принятые в обществе обращения, и поэтому такие употребления воспринимаются как игнорирование этикетных правил и нарушение границ личной сферы. Коммуникативные предпосылки, детерминирующие прагматические функции местоименных обращений, выявлены самостоятельно [5].

5. Местоимения 1-го л. и 2-го л. являются конституирующим компонентом синтаксически независимых конструкций с модусным значением (в исследуемом языке это конструкции «дательный этический» и «у + Gen.»).

При использовании модусных конструкций с личными местоимениями в высказывание вводится дополнительный субъектный план, обозначающий говорящего или слушающего. Такое семантическое осложнение высказывания наблюдается и при употреблении притяжательных местоимений в оценочных конструкциях. При употреблении модусных конструкций с местоимениями 2-го л. в высказывание может вводиться два субъектных плана: первый указывает на субъекта оценки (адресата), а второй обозначает говорящего, который полагает, что суждения собеседника не соответствуют действительности.

Показано, что прагматические функции личных местоимений, функционирующих в составе модусных конструкций, основаны на выражении включения или исключения предмета речи из личной сферы субъекта. Модусные значения местоимений распределяются по оценочному континууму в соответствии с принадлежностью к я-сфере (положительный полюс, «свое») и ты-сфере (отрицательный полюс, «чужое»).

Конструкции с личными и притяжательными местоимениями 1-го и 2-го л. также используются для установления связи между фрагментами дискурса. Специфика местоимений 2-го л. заключается в том, что они часто используются при цитации для указания на несогласие говорящего со словами или суждениями адресата [2; 5; 8; 11–13].

6. Развитие переносных значений у показателей персонального дейксиса обусловлено, с одной стороны, семантическим потенциалом личной формы, а с другой – коммуникативными стратегиями, характерными для той или иной лингвокультуры. В работе показано, что в основе транспозиции личных форм лежит трансформация ролевой структуры речевого акта: а) перемена ролей (замена форм 2-го л. формами 1-го л.); б) добавление воображаемых коммуникантов (замена форм 1-го л. ед. ч. формами 1-го л. мн. ч. и форм 2-го л. ед. ч. формами 2-го л. мн. ч., описание ситуации с позиции воображаемого третьего лица при замене форм 1-го и 2-го л. формами 3-го л.); в) исключение реальных участников из коммуникативного акта (обозначение говорящего и слушающего при помощи форм 3-го л.).

В зависимости от намерений говорящего и социального контекста коммуникативного акта один тип транспозиции личных форм может выполнять различные прагматические функции.

Так, деконкретизация субъекта, наблюдаемая при замене форм ед. ч. формами мн. ч., может иметь различную прагматическую нагрузку. Замена *ты* на «множественное» *вы*, как правило, сопряжена с выражением негативной оценки адресата, но в отдельных случаях этот тип транспозиции может не быть оценочным. Замена *я* на *мы* может использоваться говорящим для усиления своей позиции или, наоборот, свидетельствовать о том, что субъект не желает брать на себя ответственность за произнесенные слова.

Использование форм 1-го л. мн. ч. при обозначении слушающего сокращает дистанцию между коммуникантами, а это может восприниматься не только положительно, но и отрицательно – как вторжение в личную сферу.

Исключение говорящего и слушающего из числа участников коммуникативного акта также может интерпретироваться по-разному. Употребление форм 3-го л. вместо форм 2-го л. может быть связано с выражением положительной или отрицательной оценки; этот факт отражает существование различных способов концептуализации межличностных отношений. В русском языке исключение адресата из числа участников коммуникативного акта, как правило, оценивается негативно; выражение социальной дистанции при помощи форм 3-го л. в современном русском языке встречается лишь в отдельных функциональных сферах. Объективирующий эффект, возникающий при употреблении форм 3-го л. вместо форм 1-го л.,

основан на элиминации из высказывания наиболее субъективных языковых единиц – форм 1-го л. [1; 4; 6; 9; 10; 14; 15–17].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы:

1. В преподавании теоретических дисциплин в вузах Республики Беларусь (общее языкознание, функциональная грамматика, лингвистическая прагматика, теория коммуникации и др.).

2. В пособиях по стилистике и культуре речи, учитывающих новейшие тенденции в функционировании русского языка (изменения в нормах речевого этикета, трансформация стиля делового общения, проникновение разговорных слов и конструкций в различные типы дискурсов и пр.).

3. В практике обучения иностранным языкам (русскому языку как иностранному). Личные местоимения во всем многообразии их прагматических значений – это слова, без которых нельзя обойтись в коммуникации. Но изучение многих случаев употребления личных форм (наличие и отсутствие местоимений в роли подлежащего, экспрессивные функции личных форм, модусные конструкции с местоимениями, транспозиция личных форм и др.) не включено в учебные программы. Результаты диссертационного исследования могут использоваться при усовершенствовании учебных планов и составлении новых пособий по грамматике и стилистике русского языка для иностранцев.

4. В теории и практике перевода. Многие русские конструкции с личными формами, кажущиеся идиоматичными и национально специфичными, имеют параллели в других языках; тем не менее коннотации и правила употребления таких синтаксических структур в разных языках могут различаться.

5. В лексикографии (при представлении прагматической информации в словарях, в том числе в словарях коммуникативной направленности).

6. В риторике, рекламе и других сферах, связанных с воздействием на адресата.

Перспективными направлениями дальнейших исследований по данной проблематике являются: а) углубленное контрастивное изучение прагматического потенциала показателей персонального дейксиса, имеющее целью выявление специфических коммуникативных функций личных форм в различных языках; б) комплексный анализ (в особенности типологический) и сравнение прагматических функций различных грамматических категорий; в) междисциплинарное исследование психологических и когнитивных аспектов употребления личных местоимений.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в научных журналах

1. Горицкая, О.С. Совмещение дейктических проекций ситуации в высказывании (на примере конструкции *Вот он я*) / О.С. Горицкая // Вестн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2006. – № 3. – С. 80–86.
2. Горицкая, О.С. *Ты у меня умница vs. У тебя все дураки* : прагматические функции личных местоимений в конструкции *у + Gen.* / О.С. Горицкая // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2007. – № 5 (30). – С. 122–131.
3. Горицкая, О.С. К вопросу о речевой избыточности высказываний с личным местоимением в роли подлежащего (на материале конструкции *лично я*) / О.С. Горицкая // Рус. яз. и лит. – 2007. – № 12. – С. 59–64.
4. Горицкая, О.С. Как заставить собеседника поверить тебе, или О транспозиции личных форм при убеждении / О.С. Горицкая, О.А. Ковш // Яз. и культура. – Киев, 2008. – Вып. 10. – Т. IV (104). – С. 92–97.

Статьи в сборниках научных статей

5. Горицкая, О.С. Семантика и функции притяжательных местоимений в обращениях / О.С. Горицкая // Вопросы теоретического и славянского языкознания : сб. ст. молодых ученых к 40-летию каф. теорет. и славян. языкознания БГУ / Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2007. – С. 12–17.
6. Горицкая, О.С. Конкуренция форм первого и третьего лица при обозначении говорящего в детской речи / О.С. Горицкая // Вестн. молодых ученых «Ломоносов» / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М. : МАКС Пресс, 2007. – Вып. III. – С. 316–321.
7. Горицкая, О.С. Своеобразие семантики личных местоимений (на материале конструкций типа *Я – это я*) / О.С. Горицкая // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / Беларус. гос. пед. ун-т ; редкол. В.Д. Стариченок (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – С. 204–205.
8. Горицкая, О.С. «А у нас сегодня кошка родила вчера котят» : коммуникативный статус конструкции *у + местоимение* / О.С. Горицкая // VIII Міжнар. чытанні, прысвеч. Сцяпану Некрашэвічу : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: А.А. Станкевіч [і інш.]. – Гомель, 2007. – Ч. 1. – С. 23–26.

Материалы и тезисы докладов конференций

9. Горицкая, О.С. Замена местоимений первого и второго лица именами собственными : к проблеме эгоцентрических слов / О.С. Горицкая // Русский язык : система и функционирование (к 80-летию проф. П.П. Шубы) : материалы

III Междунар. науч. конф., Минск, 6-7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. И.С. Ровдо (отв. ред.) и др. – Минск, 2006. – Ч. 1. – С. 122–125.

10. Горицкая, О.С. Транспозиция личных форм в речевом этикете / О.С. Горицкая // Язык и социум : материалы VII Междунар. науч. конф., г. Минск, 1-2 дек. 2006 г. : в 2 ч / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. Л.Н. Чумак. – Минск, 2007. – Ч. 1. – С. 93–96.

11. Горицкая, О.С. Семантико-прагматический анализ русских модальных падежных форм *мне, тебе/вам* / О.С. Горицкая // Имя и слово : материалы Междунар. науч. конф., Брест, 19–20 апр. 2007 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; под общ. ред. Сенкевича В.И. – Брест, 2007. – С. 93–97.

12. Горицкая, О.С. Дистрибуция модальных синтаксем *мне* и *у меня* в русской диалогической речи / О.С. Горицкая // *Arg grammatica*. Грамматические исследования : материалы докл. 3-й Междунар. науч. конф. Минск, 5-6 дек. 2007 г. / Мин. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Д.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – С. 72–76.

13. Горицкая, О.С. Семантика и прагматика русской идиоматичной конструкции *у меня* / О.С. Горицкая // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф. – СПб., 2007. – Вып. 15 : Грамматика (русско-славянский цикл) / С.-Петербур. гос. ун-т ; под ред. Г.Н. Акимовой. – С. 9–12.

14. Горицкая, О.С. Прагматический потенциал замены форм единственного числа формами множественного числа (на материале обозначения говорящего и слушающего в русской диалогической речи) / О.С. Горицкая // Русский язык в условиях интеграции культур : XXVI Распоповские чтения : материалы Междунар. конф. (Воронеж, 26–27 февр. 2008 г.) : в 2 ч. / Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2008. – Ч. 1. – С. 43–50.

15. Горицкая, О.С. «Я бывают разные»: значения местоименных и глагольных форм 1-го л. ед. ч. в русской речи / О.С. Горицкая // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур : состояние и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 20–21 марта 2008 г. : в 2 ч. / Бел. гос. пед. ун-т ; редкол. Т.В. Балаш (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – Ч. 1. – С. 236–238.

16. Горицкая, О.С. Замена личных местоимений *я* и *ты* существительными : синтаксис и прагматика / О.С. Горицкая // Материалы XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – С. 24–26.

17. Горицкая, О.С. О месте квазиимператива в системе форм лица и наклонения (на материале русского языка) / О.С. Горицкая // Идеи. Поиски. Решения: материалы I Респ. науч. практ. конф., 28 марта 2008 г., г. Минск : в 2 т. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. –

Т. 1. – С. 57–60.

18. Горицкая, О.С. Новые явления в системе личных местоимений русского языка / О.С. Горицкая // Активные процессы в современной грамматике : материалы междунар. конф. 19–20 июня 2008 г. / Моск. гос. пед. ун-т ; под ред. С.В. Ивановой, О.В. Фокиной. – М. ; Ярославль, 2008. – С. 42–46.

19. Горицкая, О.С. Прагматические функции местоимения-подлежащего в императивных высказываниях / О.С. Горицкая // Язык и дискурс в статике и динамике : тез. докл. Междунар. науч. конф., 14–15 нояб. 2008 г. / Мин. гос. лингв. ун-т ; ред. колл. : З.А. Харитончик (отв. ред.), А.М. Горлатов [и др.]. – Минск, 2008. – С. 86–87.

РЕЗЮМЕ

Горицкая Ольга Сергеевна

Вторичные прагматические функции показателей лица (на примере обозначения говорящего и слушающего в диалогической речи)

Ключевые слова: персональный дейксис, грамматическая категория лица, личные местоимения, притяжательные местоимения, личные формы глаголов, первое лицо, второе лицо, говорящий, слушающий, прагматические функции.

Цель диссертационного исследования – выявить вторичные прагматические функции дейктических языковых единиц, обозначающих участников коммуникативного акта (говорящего и слушающего).

Методы исследования: контекстуальный анализ, функционально-прагматический анализ, трансформационный анализ, статистический анализ.

В ходе исследования получены следующие **научные результаты:** систематизирован список условий, при которых показатели лица получают вторичные прагматические функции; выявлена роль инноваций в местоименных системах; определены закономерности употребления местоимений в роли подлежащего; предложено описание коммуникативных предпосылок, детерминирующих прагматические функции местоименных обращений; описан прагматический потенциал модусных конструкций с личными и притяжательными местоимениями; осуществлен целостный анализ транспозиции личных форм.

Научная новизна и значимость полученных результатов состоит в комплексном исследовании и теоретическом осмыслении употребления средств персонального дейксиса в различных вторичных прагматических функциях. Прагматические функции русских показателей лица впервые проанализированы на широком типологическом фоне. Использовался объяснительный подход к описанию языковых фактов.

Область применения результатов диссертации: преподавание теоретических лингвистических дисциплин в высших учебных заведениях (общее языкознание, функциональная грамматика, лингвистическая прагматика и др.); составление словарей и практических пособий по стилистике и культуре речи; обучение иностранным языкам (русскому языку как иностранному); теория и практика перевода; риторика, реклама и другие сферы деятельности, связанные с речевым воздействием.

РЭЗІЮМЭ

Гарыцкая Вольга Сяргееўна

Другасныя прагматычныя функцыі паказчыкаў асобы (на прыкладзе абзначэння моўцы і слухача ў дыялагічным маўленні)

Ключавыя словы: персанальны дэйксіс, граматычная катэгорыя асобы, асабовыя займеннікі, прыналежныя займеннікі, асабовыя формы дзеясловаў, першая асоба, другая асоба, моўца, слухач, прагматычныя функцыі.

Мэта дысертацыйнага даследавання – выявіць другасныя прагматычныя функцыі дэйктычных моўных адзінак, якія абзначваюць удзельнікаў камунікатыўнага акта (моўцу і слухача).

Метады даследавання: кантэкстуальны аналіз, функцыянальна-прагматычны аналіз, трансфармацыйны аналіз, статыстычны аналіз.

У ходзе даследавання атрыманы наступныя **вынікі:** сістэматызаваны спіс умоў, пры якіх паказчыкі асобы атрымліваюць другасныя прагматычныя функцыі; выяўлена роля інавацый у сістэмах займеннікаў; вызначаны заканамернасці ўжывання займеннікаў у ролі дзейніка; прапанавана апісанне камунікатыўных перадумоў, што дэтэрмінуюць прагматычныя функцыі займеннікавых звароткаў; апісаны прагматычны патэнцыял модусных канструкцый з асабовымі і прыналежнымі займеннікамі; здзейснены цэласны аналіз транспазіцыі асабовых форм.

Навуковая навізна і значымасць атрыманых вынікаў заключаецца ў комплексным даследаванні і тэарэтычным асэнсаванні ўжывання сродкаў персанальнага дэйксіса ў розных другасных прагматычных функцыях. Прагматычныя функцыі рускіх паказчыкаў асобы ўпершыню прааналізаваны на шырокім тыпалагічным фоне. Выкарыстоўваўся тлумачальны падыход да апісання моўных фактаў.

Сфера ўжывання вынікаў дысертацыі: выкладанне тэарэтычных лінгвістычных дысцыплін у вышэйшых навучальных установах (агульнае мовазнаўства, функцыянальная граматыка, лінгвістычная прагматыка і інш.); складанне слоўнікаў і практычных дапаможнікаў па стылістыцы і культуры мовы; навучанне замежным мовам (рускай мове як замежнай); тэорыя і практыка перакладу; рыторыка, рэклама і іншыя сферы дзейнасці, звязаныя з моўным уздзеяннем.

SUMMARY

Olga S. Goritskaya

Secondary Pragmatic Functions of Person Markers (by the Example of the Designation of a Speaker and Addressee in Dialogic Speech)

Keywords: personal deixis, grammatical category of person, personal pronouns, possessive pronouns, finite forms of the verb, the first person, the second person, a speaker, an addressee, pragmatic functions.

The aim of the research is to reveal secondary pragmatic functions of the deictic units of language that designate participants in the communication process (a speaker and addressee).

The methods of the research are a contextual analysis, functional-pragmatic analysis, transformational analysis, statistical analysis.

The results of the research. The list of conditions in which person markers obtain secondary pragmatic functions has been systematized; the role of the innovations in pronominal systems has been revealed; the regularities of the use of pronouns as a subject of a sentence have been defined; the description of communicative prerequisites that determine pragmatic functions of the pronominal forms of address has been proposed; the pragmatic potential of the modal constructions with personal and possessive pronouns has been described; the integral analysis of the transposition of person markers has been carried out.

The scientific novelty and value of the received results lie in the comprehensive analysis and theoretical understanding of the use of person markers to express different secondary pragmatic functions. For the first time the pragmatic functions of the Russian person markers have been analyzed in a typological perspective. Also, the explanatory approach to the description of language data has been used.

The application field of the research findings is a range of theoretical disciplines taught at universities (general linguistics, functional grammar, linguistic pragmatics, etc.). The dissertation results can be used to compile dictionaries and write practical guides in stylistics and speech culture, as well as to teach foreign languages (Russian as a foreign language). Translation theory and practice, rhetoric, advertising, and other fields concerning verbal influence can also benefit from the research findings.